

ББК 63.30)323

А.В. Метелев

Стратегия и тактика политики Флавия Аэция в Западной Римской империи

Ключевые слова: политика, стратегия, тактика, романо-германский синтез, система равновесия, военная и дипломатическая деятельность, Западная Римская империя, варвары.

Key words: policy, strategy, tactics, Roman-Germany synthesis, system of equilibrium, military and diplomatic activity, West Roman Empire, barbarians.

Интеграционные процессы в Европе, ставшие особенно заметными в конце XX – начале XXI в., имеют многовековую историю. Однако относительно времени начала формирования европейской социокультурной общности как в западной, так и в отечественной историографии нет единого мнения. При этом в основном историки и философы истории исходят либо из «прогрессистской» (ее разновидностью можно считать формационную теорию), либо из «цивилизационной» парадигмы исторического процесса. Вряд ли возможно согласиться как с одной, так и с другой концепцией в их крайних вариантах – теорией континуитета, или теорией замкнутых (или самодостаточных) цивилизаций в варианте О. Шпенглера [1]. Более взвешенными мы считаем концепции, представляющие собой тот или иной вариант умеренных трактовок прогрессистской и цивилизационной парадигм, либо их синтез. Такого мнения придерживаются многие современные исследователи.

Поэтому, не вступая в полемику по данной проблеме и обсуждение нюансов синтеза данных парадигм, присоединимся к точке зрения тех историков и философов истории, которые считают, что европейская цивилизация – наследница античной, но не ее продолжение (см., например [2; 3, с. 5–7; 4, с. 25–32; 5, с. 5–23; 6, с. 34]).

У истоков социокультурной общности Европы стояли две различные социальные системы и культуры, два мира: римский (шире – античный) – рабовладельческий, христианский, с относительно высокоразвитой культурой и варварский (по преимуществу германский) – родоплеменной, языческий, со своеобразным культурным обликом. Начало формирования социокультурного единства Европы может быть отнесено к периоду поздней античности и раннего Средневековья, когда в результате романо-германского синтеза начинает формироваться европейская цивилизация.

Особенно интенсивно и драматично романо-германское взаимодействие происходило в V в., когда Западная Римская империя находилась в состоянии глубокого кризиса, а варварские (прежде всего германские) народы все более основательно закреплялись на ее

территории и в результате чего, после падения империи в конце V в., образовали там свои государства. Одной из ключевых фигур в истории поздней Западной Римской империи и романо-германского взаимодействия первой половины V в. можно считать Флавия Аэция, которого ряд современников и более поздних римских хронистов называли «последним римлянином».

Однако, несмотря на давно сложившееся мнение о значимости личности Аэция в истории Западной Римской империи, которую признавали еще античные авторы, достаточно полного освещения фигура этого римского военачальника и его деятельность в историографии, в особенности отечественной, до сих пор не получила, хотя почти во всех исследованиях по истории поздней Западной Римской империи содержатся упоминания о нем или об отдельных аспектах его деятельности. Такой недостаток внимания к Аэцию трудно объяснить, и данный пробел необходимо устранять, тем более, что личность и деятельность этого римского командующего так же двойственна и противоречива, как и происходивший в это время процесс романо-германского синтеза. Так, по происхождению он был римлянином, хотя легко находил общий язык с варварами и пользовался их признанием. С одной стороны, Аэций в своей политике и военной деятельности руководствовался интересами Западной Римской империи, сохраняя ее целостность, и на несколько десятилетий продлил ее существование, а с другой стороны, добиваясь этого, он прежде всего опирался на варваров. В связи с этим исследование деятельности Аэция позволяет не только более полно осветить историю поздней Западной Римской империи, но и прояснить некоторые моменты и особенности романо-германского взаимодействия указанного периода.

Ко времени начала активной военной деятельности Аэция в Галлии (423–425 гг.) там сформировалась очень сложная политическая обстановка. Это было вызвано прежде всего тем, что в 406 г. варварами был прорван Рейнский *limes*. Незадолго до этого часть военных соединений *magister militum* Стилихон вынужден был перевести из западных провинций в Италию для защиты её от варваров [4, с. 48]. В результате оборона рейнской границы была существенно ослаблена и в вторгшимся в Галлию свевам и вандалам противостояли лишь франкские вспомогательные отряды [7, с. 149], которые не могли оказать им достойного сопротивления. В итоге Галлия и Испания были подвергнуты разграблению, а в 410 г. вестготы Алариха захватили

Рим. Положение дел усугублялось еще и тем, что в Галлии императором был объявлен узурпатор Константин, который начал серию походов против варваров, чтобы заручиться более широкой поддержкой населения Западной Римской империи в условиях почти полного бессилия центральной имперской власти.

Ситуация, сложившаяся в западных провинциях, была взята на некоторое время под контроль Равеннским двором благодаря активной военной и дипломатической деятельности нового *magister militum* Флавия Констанция. В результате чего, узурпатор Константин III был разгромлен, в 411 г. вандалы и свевы были признаны федератами империи, а в 418 г. вестготы также на правах федератов были поселены в Аквитании. Всё это позволило Констанцию усилить свои позиции при дворе. В 421 г. он женился на Галле Плацидии, сестре императора Гонория, и был провозглашен его соправителем, однако в том же году Констанций скончался [8, с. 111].

В 421–423 гг. в результате борьбы за власть при дворе: сначала между Гонорием и Галлой Плацидией, а затем в связи с узурпацией Иоанна - вновь усилился натиск варваров на провинции Галлии. Франки заняли пограничные области северо-восточной Галлии и стремились проникнуть западнее. На провинции юго-восточной Галлии оказывали давление бургунды. Вестготы, находившиеся в юго-западной Галлии, попытались продвинуться к востоку [7, с. 146]. Перед имперским правительством вновь встала проблема: заставить эти народы возобновить *foedus* и восстановить границы.

Выполнить эту задачу удалось Аэцию. Он не только потребовал от вестготов, бургундов и франков возобновить *foedus*, но и удерживал их в положении союзников империи около 30 лет (с 425 по 454 г.), добиваясь этого разнообразными методами. Причем пресечением военной деятельности федератов против Западной Римской империи Аэций занимался в основном в первые 15 лет своего пребывания в галльских провинциях. В дальнейшем его активность была направлена в большей мере на достижение другой цели – подавление движения багаудов в Галлии и Испании, выступления же федератов были сведены им, по-существу, к минимуму. Лишь в 451 г. следует значительное потрясение для Западной Римской империи – нашествие Аггилы, но и эта схватка закончилась успехом Аэция. Только после его смерти в 454 г. начинается полоса крупных неудач, когда к активным действиям переходят вандалы и вестготы, бургунды и франки.

Следует отметить, что некоторые исследователи, например Т. Моммзен, оценивая личность и деятельность Аэция, обращают внимание на то, что в ряде случаев, когда карьере (а, порой, и жизни) командующего что-то угрожало, он приводил гуннскую конницу к Равенне [9], что можно расценить как пренебрежение интересами империи ради собственных амбиций. Однако следует учитывать, что использование варварских отрядов в спорах за власть к этому времени уже было обычной

практикой в римской политике. Но даже если допустить, что деятельность Аэция по преимуществу была продиктована его стремлением к власти, нельзя не признать, что объективно это способствовало сохранению империи и продлеvalo время ее существования.

При этом примечательно и даже парадоксально то, что Аэций достаточно успешно подавлял военную активность варваров и удерживал их в положении федератов в тот период существования Западной Римской империи, когда она уже не располагала достаточными собственными военными ресурсами для борьбы с войсками варваров. Однако продвинуться в решении данной проблемы можно, если выявить основные особенности стратегии и тактики Аэция.

Предварительно выделим следующие основные факторы, объясняющие успех отношений Аэция с варварами.

Во-первых, в юношеские годы он был заложником у готов и гуннов и мог основательно ознакомиться с укладом их жизни, узнать языки и вникнуть в способы ведения военных действий. Кроме того, это вынужденное общение с варварами позволило ему наладить личные контакты с представителями верхов этих народов [9, с. 533; 10, с. 218]. К тому же с частью вестготской знати его связывало то, что его жена принадлежала к королевскому роду вестготов [11, с. 415].

Во-вторых, Аэций обладал незаурядными дипломатическими и военными способностями, которые он регулярно реализовывал и подтверждал в ходе своей политической и военной карьеры.

В-третьих, с течением времени он все выше поднимался по лестнице военных титулов Западной Римской империи, достигнув в довольно короткий срок наивысшего военного звания – *magister militum*. Однако и сам Аэций способствовал повышению значения этого поста, которое после таких выдающихся личностей, как Стилихон и Констанций, несколько понизилось. В результате чаще всего именно с ним как фактическим правителем Западной Римской империи предпочитали налаживать политические связи варвары-федераты, которые либо располагались на территории западных провинций, либо находились в непосредственной близости от них.

Стратегия Аэция в отношениях с федератами заключалась в создании и поддержании системы равновесия между конфликтующими племенами, играя на их противоречиях. Данная тактика с течением времени и сменой условий изменялась.

Несомненно, самыми сильными среди варваров в этот период были готы и гунны. Учитывая их растущую военную мощь, а также то, что собственно римскими войсками с ними справиться было уже чрезвычайно сложно, Аэций сначала использовал против наиболее опасных вестготов наемную конницу гуннов, а затем, уже в связи с военной угрозой со стороны последних, он действовал в военном союзе с готами. В немалой степени успеху Аэция способствовала давняя вражда

этих народов. При этом долгое время он опирался в основном на гуннов. Они были основной ударной силой во многих его экспедициях. Возможность для этого создавалась наличием личных контактов сначала с их королём Роа, а затем с его наследником Аттилой [12, р. 72]. Услуги гуннской конницы конечно же оплачивались: в ряде случаев скорее всего – золотом [11, s. 415; 13, с. 70], территориальными уступками [10, с. 42, 44; 14, с. 113], а также возможностью пограбить территории, через которые они проходили [7, с. 357]. Гарантом хороших отношений с гуннами был и заложник – сын Аэция – Карпилион [10, с. 218; 15, с. 113].

Опора полководца прежде всего на гуннов подтверждается многочисленными случаями использования им гуннской конницы. Это происходило и в случае необходимости разрешения противоречий между Аэцием и императорской властью, например в 425 [12, р. 70] и 431 гг. [9, s. 537]. Это было и при столкновении войск Аэция с племенами варваров в том числе, конечно, с готами. Так, в 439 г. при осаде Тулузы участвовали гуннские вспомогательные отряды [16, р. 156]. Немногим ранее в 436 г. при их же участии были разгромлены восставшие бургунды [7, с. 156; 10, с. 79]. Использовались они и для подавления внутренних волнений, вызванных движением багаудов (например в 437 г. в Арморики) [14, с. 156]. Однако, вскоре поняв свою необходимость для Западной Римской империи и военное преимущество над ней, Аттила, используя подвернувшийся повод (обращение к нему сестры Валентиниана III – Юсты Граты Гонории) [17, р. 79], решил претендовать на гораздо большую роль, чем просто сильного союзника. С помощью династического брака он предполагал громадное расширение своей власти над Западной Римской империей [9, s. 541–542]. В результате дружба Аэция и Аттилы, ранее поддерживаемая различными взаимными услугами, прервалась, и в 451 г. гунны, присоединив к своей армии войска подвластных и союзных им народов, большими силами двинулись в Галлию.

Аэций в очередной раз проявил свои дипломатические способности, довольно быстро составив антигуннскую коалицию, в которой собственно римские силы были очень незначительны [18, с. 104]. Следует отметить, что эти легионы Аэций расположил перед Каталаунской битвой таким образом, чтобы их потери оказались минимальными, в то время как все остальные участники антигуннской коалиции в результате битвы понесли значительный урон [7, с. 175]. Примечательно, что большинство народов, принимавших участие в сражении на Каталаунских полях против гуннов под руководством Аэция, ранее подавлялись им и принуждались к соблюдению *foedus*, в том числе при участии гуннской конницы, которую он приводил и возглавлял либо сам, либо его полководцы. К этим народам относились франки, бургунды и в первую очередь вестготы, составлявшие основную часть союзных войск. Наверняка, не последнюю роль в

принятии ими решения об участии в битве сыграли совсем еще свежие воспоминания о гуннской коннице в окрестностях Тулузы.

Таким образом, свои способности и авторитет в отношениях с варварами Аэций продемонстрировал еще раз. А политика «разделяй и властвуй» дала очередные плоды.

Но и по окончании битвы на Каталаунских полях полководец не спешил расправиться с гуннами. Они ему были нужны как противовес готам, и он попытался их сохранить, отослав под различными предложениями готов к Тулузе, а франков к Рейну [19, с. 35; 20, с. 49]. Таким образом, Аэций разрушил им самим же созданную коалицию германских народов, опасаясь, что она может обратиться против империи, тем более, что ее возглавляли давние его противники – готы.

Необходимо отметить, что с 425 года г., заключившие *foedus* с империей в 419 г. [21, с. 530], периодически использовали благоприятные моменты, когда Западная Римская империя и прежде всего ее войска в Галлии и Испании были заняты своими внутренними или внешнеполитическими проблемами для очередного приращения к своей территории от Римской империи, разрывая при этом договор [14, с. 46–47]. Аэций сталкивался с этим дважды: в 425 г., когда готы, используя проблемы Рима в связи с узурпацией Иоанна, пытались захватить Арль [20, с. 46–47; 22, р. 21]; и в 437 г., когда, видя занятость римских войск в конфликтах с багаудами и бургундами, вестготы осаждали Нарбонну [22, р. 23]. В обоих случаях Аэций отбросил готов к исходным границам. Осознавая постоянную угрозу Галлии со стороны вестготов и их растущую военную мощь, Аэций, очевидно, решил попытаться подавить этих федератов примерно так же, как он сделал это ранее с бургундами и франками, и диктовать им свою волю. Однако его первоначально успешный поход на столицу вестготов Тулузу потерпел неудачу [21, с. 532]. Тем не менее Аэцию удалось заключить приемлемый для империи договор с вестготами.

После этих событий военная активность варваров идет на спад. Во всяком случае, крупных выступлений с их стороны в Галлии, судя по сведениям античных авторов, не было вплоть до вторжения Аттилы в 451 г.

Можно сделать вывод, что Аэций максимальное внимание в Галлии уделял готам. Он пытался компенсировать их растущую мощь своими военными победами, привлекая иногда на свою сторону и гуннов. Но, с другой стороны, готы, расселенные в Аквитании еще до Аэция, были для него выгодным барьером против движения в Галлию вандалов (до 429 г., когда они перешли в Африку [16, р. 156]) и севов.

Характеризуя отношения вестготов к империи, нужно отметить, что они, несмотря на заключение *foedus* на условиях распоряжения ими как вспомогательными войсками, фактически никогда не находились в каком-либо подчиненном положении. Тем более это

относится ко времени Аэция, когда шло их усиление, а империя все более слабела. Поэтому можно говорить об отношениях империи и вестготов как об отношениях равных сторон. Отсюда и все сложности политики Аэция в диалоге с ними. Но в силу географического положения земель, выделенных вестготам Констанцием III, и характера их отношений с вандалами и свевами они являлись барьером против распространения этих племен в Галлии. Это положение искусно поддерживалось и использовалось Аэцием, что можно считать еще одним элементом созданной им и постоянно совершенствуемой системы равновесия варваров в европейских провинциях Западной Римской империи.

Что же касается расселенных в Галлии франков, алан и бургундов, то они были довольно слабы, и использование их по усмотрению полководца было для него удобным с тактической точки зрения фактором для выполнения стратегической задачи поддержания стабильности в европейских провинциях Западной Римской империи.

О небольшой силе этих племен можно судить по свидетельствам хроник. В источниках, например, отмечается, что одну из племенных группировок франков Аэций достаточно быстро разбил в 427 г., восстановив границу империи по Рейну [16, р. 155]. Вообще же империя не раз прибегала к использованию франкских союзных отрядов, в том числе при Аэции для битвы на Каталаунских полях [18, с. 104; 19, с. 35]. Судя по всему, франкские короли находились в зависимости от Западной Римской империи. По мнению Фюстель де Куланжа, Стилихон в свое время даже сам назначал королей некоторых франкских племен [21, с. 580], а в 450 г. в результате спора о престолонаследии рейнских франков младший сын умершего короля получил поддержку у Аэция, правда, старший искал её у Атиллы [14, с. 115]. Кроме этой периодической поддержки в распоряжении империи и Аэция находилось множество регулярных вспомогательных отрядов, состоявших из франков [21, с. 575].

Бургунды также во времена Аэция не отличались большой мощью. Так, в 436 г. они взбунтовались против империи, и в результате, по свидетельствам хронистов, были «совершенно побеждены Аэцием», а мир им был дарован лишь вследствие их «настойчивой мольбы» [10, с. 79; 16, р. 156]. Затем в 437 г. они вновь подверглись нападению, на сей раз со стороны гуннов, которые достаточно жестоко расправились с ними [16, р. 156]. В 443 г. бургундам, учитывая их антигуннские настроения, Аэцием была для поселения передана Сабандия [10, с. 79]. Здесь они стали барьером против гуннов.

Аланы, отряды которых также использовались в военных действиях римским военачальником, в частности, против бургундов в 436 г. [14, с. 113], были поселены им у Орлеана в 440 г. Беря в расчет их тесные связи с гуннами, он, таким образом, ставил заслон против продвижения готов [9, с. 538].

Таким образом, Аэцию удавалось сохранять относительную стабильность в Галлии и Испании путём поддержания вражды и равновесия между вестготами и гуннами. При этом вестготы служили еще и своеобразным заслоном от вандалов (до 429 г.) и свевов. Дополнениями к этим двум «чашам весов» были аланы, поселенные полководцем на пути продвижения вестготов и прогуннски им настроенные, и бургунды, которые, напротив, служили препятствием продвижению гуннов и были настроены к ним резко отрицательно. Франкские вспомогательные отряды были в свободном распоряжении Аэция. Иногда количество используемых франкских военных сил увеличивалось, как это было в 451 г., когда в битве против гуннской коалиции принял участие король франков со своими отрядами, и, наверняка, участвовали все те же вспомогательные франкские отряды, которые состояли на службе империи.

Эта система равновесия, созданная Аэцием, в основных чертах (до него основы ее Константин III, поселив вестготов в Аквитании, чтобы создать барьер против вандалов и свевов), обеспечивала относительную стабильность в Галлии начиная с 425 г. в течение 13 лет. При этом Аэций постоянно дополнял и совершенствовал это динамическое равновесие между варварскими народами и привел его к показанному выше состоянию к началу 40-х гг., гарантировав, таким образом, еще большую стабильность в течение 10–12 последующих лет. Во всяком случае, с 438 по 451 г., согласно источникам, не наблюдается крупных военных столкновений имперских войск с варварами-федератами в Галлии.

Помимо варваров существенным элементом нестабильности в Западной Римской империи были багауды. Но если присутствие варварских народов на территории империи было допустимо при условии, что они находились, согласно договору, на службе империи, то багауды представляли собой непосредственную опасность для государства, и поэтому перед Аэцием стояла стратегическая задача – уничтожить это движение. Тем более, что волнения, вызванные багаудами, то подавляемые римской армией, то вспыхивающие вновь, сотрясали западные провинции империи ещё со времени правления Диоклетиана.

При Аэции багауды проявили свою активность в Арморике в 435 г. Причем к их выступлению присоединились жители многих других районов Галлии и Испании [7, с. 156]. Причинами волнений, согласно Сальвиану, были непомерные налоги, с помощью которых правительство пыталось поправить свои финансовые проблемы, а также злоупотребления сборщиков налогов и других чиновников Римской империи, использовавших свои должности для личного обогащения [23, с. 68–74]. Однако Аэций, занятый расправой с бургундами, только в 437 году подавил это движение, захватив основных руководителей восстания [7, с. 156]. При этом основную часть армии Аэция составляли отряды гуннов, алан и франков [14, с. 113].

Однако в 440 г. движение багаудов вспыхнуло с новой силой, и Аэций вновь прибег к услугам алан, дав им для поселения земли в одном из очагов восстания в Галлии [7, с. 167], одновременно направив римские войска против багаудов Испании [22, р. 24]. Несмотря на старания военачальника, борьба с багаудами закончилась успехом лишь в 448–449 гг.

Итак, при решении задачи разгрома движения багаудов Галлии и Испании тактика Аэция заключалась в следующем: широкое использование варваров-федератов в качестве походной армии, а также расселение их в районах волнений, где при этом шла расправа с восставшими.

Таким образом, все большее усложнение с конца IV в. политической ситуации в европейских провинциях Западной Римской империи и почти полная потеря контроля над ней Равеннского двора угрожали целостности и, может быть, самому существованию империи, что не могло не вызвать значительного увеличения роли военных в государстве, а также огромного влияния наиболее высокопоставленных из них на правительство и при дворе. Тем более, если они находили возможность, при наличии немногочисленной и давно уже потерявшей прежнюю боеспособность римской армии, обеспечивать защиту империи от

варваров. Это было главной причиной того, что такие главнокомандующие, как Стилихон и Констанций III обладали значительной властью в государстве.

В огромной мере это относилось и к Аэцию, успехи которого сначала в отдельных операциях против варваров, затем эффективная политика по отношению к ним, а также борьба с багаудами, способствовали его быстрому продвижению в служебной иерархии и росту влияния в Западной Римской империи и при Равеннском дворе в частности. Аэций, который в течение почти 30 лет контролировал ситуацию в Галлии и Испании, реализуя давний принцип римской политики – «разделяй и властвуй», успешно проводил в отношениях с варварами свою стратегическую линию на создание и поддержание равновесия между конфликтующими племенами, умело лавируя между ними. Его тактика при этом постоянно изменялась с течением времени и учетом конкретной политической обстановки в регионе. В борьбе с багаудами, движение которых представляло непосредственную угрозу для государства, Аэций решал стратегическую задачу полного их разгрома. Причем особенностью его тактики было широкое использование варваров-федератов против восставших как в качестве походной армии, так и путём предоставления им земель для расселения в районах волнений.

Библиографический список

1. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. – М., 1997–1998.
2. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М., 1996.
3. История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. – М., 1992.
4. Кенигсбергер, Г.Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы / Г.Г. Кенигсбергер. – М., 2001.
5. Харитонович, Д.Е. Новая история старой Европы (вместо предисловия) / Д.Е. Харитонович // Кенигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. – М., 2001.
6. Гофф Ж. ле. Цивилизация средневекового Запада / Ж. ле Гофф. – Екатеринбург, 2005.
7. Сиротенко, В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. / В.Т. Сиротенко. – Пермь, 1975.
8. Джонс, А.Х.М. Гибель античного мира / А.Х.М. Джонс. – Ростов н/Д., 1997.
9. Mommsen Th. Aetius / Th. Mommsen // *Gesammelte Schriften*. – В., 1906. – Bd. IV.
10. Мюссе, Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / Л. Мюссе. – СПб., 2008.
11. Seeck, O. Aetius / O. Seeck // Pauly – Wissowa – Kroll – Ziegler. *Real – Encyclopedie der Klassischen Altertumswissenschaften (RE)*. – В., 1893. – Bd. I. – Sp. I.
12. Bouvier-Ajam M. Attila le Fléau de Dieu / M. Bouvier-Ajam. – P., 1982.
13. Олимпиодор Фиванский. История / Олимпиодор Фиванский. – СПб., 1999.
14. Корсунский, А.Р. Упадок и гибель Западно-Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI века) / А.Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М., 1984.
15. Гизо, Ф. История цивилизации во Франции / Ф. Гизо. – М., 1881. – Т. 3.
16. Cassiodorus Senator. *Chronica* / Cassiodorus Senator // *Monumenta Germaniae Historica Auctores Antiquissimi (MGH AA)*. – В., 1905. – Т. XI.
17. Marcellinus, V.C. *Comes. Chronicon* / V.C. Marcellinus // *MGH AA*. – В., 1905. – Т. XI.
18. Иордан. О происхождении и деяниях готы (Getica) / Иордан. – М., 1960.
19. Григорий Турский. История франков / Григорий Турский. – М., 1987.
20. Клауде, Д. История вестготов / Д. Клауде. – СПб., 2002.
21. Куланж Фюстель де. История общественного строя древней Франции / Фюстель де Куланж. – СПб., 1904.
22. Hidatus Lemicus. *Continuatio chronicorum hieronymianorum* / Hidatus Lemicus // *MGH AA*. – В., 1905. – Т. XI.
23. Сальвиан. Рассуждения современника-очевидца о причинах падения Западной Римской империи (около 450 г.) / Сальвиан // История Средних веков: От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). – М., 2001.